

Селоя даже не пытался скрыть своего глубокого потрясения.

Маленький русал насупился и мгновенно, словно от укола невидимой иглой, вздыбил чешую. Он изо всех сил надул щеки, тщетно пытаясь выглядеть грозно, и сердито прикрикнул:

— Не смей так на меня смотреть! Ты и сам такой же бедолага, так что не тебе меня судить!

— Братец! Уведи его отсюда, — его взгляд скользнул мимо Селои, устремившись куда-то ему за спину. Голос русала тут же смягчился, сделавшись капризным и умоляющим: — Я не хочу его видеть.

Кто-то мягко коснулся плеча Селои. Слегка растерявшись, он поднял голову и встретился взглядом с парой удивительно нежных, ласковых глаз. Не успел мальчик опомниться, как незнакомка протянула руку и аккуратно сняла с его шеи круглый жетон.

Вещица оказалась тонкой и искусной работы: на угольно-черном фоне золотом была выгравирована изящная цифра «пять».

— Позволишь мне забрать его? — тихо спросила она. — Для меня этот жетон очень важен.

Селоя посмотрел на круглую плашку. Только сейчас до него дошло, что вещицу, должно быть, повесил ему на шею тот самый мужчина, который принес его сюда. Из-за крошечной темноты по пути он этого даже не заметил.

"Должно быть, это какая-то метка", — мысленно предположил Селоя.

Качнув головой, он без лишних колебаний согласился:

— Забирай, конечно. Для меня это просто обычная безделушка. Надеюсь, она принесет тебе хоть немного радости.

С этими словами Селоя украдкой покосился на маленького русала, который все еще сердито плескался в воде, надеясь заметить на его лице хоть тень дружелюбия.

В ответ малютка лишь снова оскалился и соорудил ему свирепую гримасу.

— Спасибо, — девочка бережно погладила черный жетон и, ласково ущипнув Селоя за щеку, повела его в глубь комнаты. На ходу она негромко шептала: — Давай пройдем во внутренние покои, там и поговорим. Вэйга только недавно привели обратно, он все еще сам не свой. Нам лучше побеседовать без него.

Селоя лишь согласно уткнул и послушно последовал за ней. Дверь во внутреннюю комнату бесшумно закрылась.

Стоило крикам маленького русала стихнуть, как вокруг воцарилась глубокая тишина. Селоя тщетно пытался подобрать правильное слово, чтобы описать это внезапное затишье.

Гробовая, давящая тишина. Казалось, в этой комнате не было ни единой живой души.

Но стоило ему поднять голову, как он натолкнулся на три пристальных, немигающих взгляда.

Селоя невольно вздрогнул от испуга.

Мальчик, который еще недавно тихо сидел в углу, прищурившись, долго разглядывал Селоя. Наконец, убедившись в чем-то своем, он заметно расслабился. Слабо закашлявшись, он заговорил тихим, истощенным, но на редкость мягким голосом:

— Привет. Меня зовут Нолан. Я оказался здесь самым первым. Чуть позже я объясню тебе правила, по которым устроен этот замок, и научу, как здесь выжить. Пожалуйста, запомни мои слова как можно лучше.

Девочка тепло улыбнулась и, пошарив в кармане, достала точно такой же черный жетон. Она легонько покачала им перед глазами Селой, словно подтверждая, что ей действительно можно верить:

— А я Дианта. Я попала сюда четвертой. Можешь звать меня старшей сестрой.

При слове «старшая сестра» ее взгляд подернулся щемящей нежностью. Селоя заворуженно смотрел на нее и, хоть они едва были знакомы, чувствовал всем сердцем: Дианта — невероятно добрая и чуткая.

Последний пленник, казалось, вообще не покидал своего мрачного угла. На голоса ребят он лишь лениво приподнял голову и пробормотал что-то настолько тихо и невнятно, что расслышать его было почти невозможно:

— Юань. Я тут второй. Добро пожаловать, малец... Хотя местечко, честно говоря, паршивое.

Закончив фразу, он тут же бессильно откинулся назад и шумно, со свистом втянул сквозь зубы воздух, жалобно постанывая:

— Как же больно... Сдохнуть можно. Клянусь, когда выберусь отсюда, лично повыдираю этим тварям все волосы до единого. Пусть до конца дней лысыми ублюдками ходят.

Селоя совсем растерялся. Потирая край своей рубашки, он нерешительно пробормотал:

— Ой... Меня зовут Селоя. Вы можете называть меня...

— Мы можем звать тебя Шестым? — мягко перебил его Нолан.

Селоя послушно кивнул. Его взгляд снова невольно скользнул к жетону под номером пять, который только что забрала Дианта. Мальчик захлопал ресницами, не зная, как подступиться с расспросами — подсознательно он чувствовал, что история этих номеров скрывает в себе слишком много боли.

— Да, — Дианта заметила его замешательство. Мягко увлекая Селоя за собой, она опустилась прямо на земляной пол и заставила его сесть рядом. Затем она вновь потянулась к карману и бережно извлекла крошечный стеклянный флакончик. Держа его на ладони прямо перед глазами Селой, она тихо произнесла: — Смотри. Это Элия. Наш Пятый номер.

Селоя широко распахнул глаза. Он уставился на стеклянный пузырек как заворуженный, не в силах отвести взгляд.

Флакончик был совсем крошечным. Внутри него тускло мерцала разноцветная пыльца. Будто обладая собственной душой, эти песчинки при виде Селой вдруг ожили и закружились в медленном, изящном танце, словно приветствуя гостя.

Селоя подобрался и, робко приподняв руку, помахал крохотному флакону ладошкой:

— Привет, Элия.

Стеклянный флакончик в ответ едва заметно качнулся.

Дианта тепло улыбулась, и в уголках ее прищуренных глаз заиграли лучики искренней радости:

— Надо же, Элия впервые к кому-то так потянулась! Когда мы только встретились, она на нас даже смотреть не желала.

Селоя удивленно охнул, не скрывая детского восторга. Его напряженно сжатые кулачки наконец разжались, а плечи опустились. Будучи ребенком, он остро улавливал чужие эмоции и теперь отчетливо чувствовал: эти ребята желали ему только добра. В их присутствии веяло неподдельной, согревающей душу близостью.

— Раз уж ты оказался среди нас, тебе нужно кое-что узнать, — Нолан облизал пересохшие губы. — По дороге сюда ты ведь видел тех, кто заперт в клетках? Они томятся в тех самых

застенках, мимо которых тебя вели.

Перед глазами Селой мгновенно пронеслись картины недавнего пути: нескончаемые темные коридоры, доносящиеся из-за дверей глухие стоны и жуткий, отчетливый хруст ломающихся костей.

Он мелко вздрогнул. Сердце сжалось от дурного предчувствия, но он все же заставил себя спросить:

— Зачем их здесь держат? Почему там так грязно и сыро... и почему они все изранены?

Губы Дианты дрогнули, а взгляд потускнел. Она судорожно сжала в ладони стеклянный флакон, словно надеясь почерпнуть в нем силы, чтобы произнести страшную правду:

— Потому что для Юлиси все они — не живые существа. Для него они лишь двуногий скот, безвольные куски мяса, которые пока еще дышат. Их единственное предназначение — служить пищей для демонического войска Юлиси. А на прокорм будущей еды никто не станет тратить ценные ресурсы. Свежую, еще теплую плоть подают к господскому столу как деликатес. Ну а то, что успело сгнить, или трупы тех, кто не вынес мучений, безжалостно сбрасывают демоническим тварям Бездны, у которых нет и капли разума.

Девочка горько вздохнула и продолжила:

— Ты, наверное, и сам уже догадался, что эти застенки разделены по уровням. Чем глубже уходят коридоры, тем ценнее те, кто там заперт. И у каждой группы пленников своя участь. Самые жалкие служат кормом. Те, что повыше рангом — игрушками для утех. Ну а мы... — Дианта осеклась и, сделав глубокий вдох, едва слышно выдавила: — Мы — личная коллекция Юлиси. Его живые экспонаты.

Нолан медленно поднялся, подошел к углу и за руку подтащил по-прежнему кряхтящего Юаня поближе, чтобы Селоя мог рассмотреть его как следует. Затем он осторожно указал на спину друга:

— Время от времени Юлиси присылает своих палачей. Они забирают у нас то, что ему приглянулось, и уносят в его комнату коллекций. Вот Юаню, например, отрезали уши и лисьи хвосты. Он из рода алых девятихвостых лис, а его мех безумно понравился сестре Юлиси. Ей как раз захотелось новую меховую накидку.

Селоя не успел даже опомниться от ужаса, как в голове его вспыхнула страшная догадка: теперь он понимал, почему хвост бедняги Вэйги изодран в кровь.

И следующие слова Нолана лишь подтвердили его худшие опасения:

— Пару дней назад с Вэйги живьем содрали чешую. Но и этого им мало: теперь от нас требуют, чтобы мы постоянно доводили его до слез. Чем больше он плачет, тем лучше, — Нолан устало, сквозь силу вздохнул. — Розовый жемчуг — невероятная редкость. А Юлиси просто помешан на редких безделушках.

— И... со всеми так поступают? — дрожащим голосом спросил Селоя. На секунду он потянулся к лопаткам — крыльев у него отродясь не было, но спину вдруг обожгло острой фантомной болью. Мальчик поспешно добавил: — Но у меня ведь совсем ничего нет. Я самый обычный...

— Быть такого не может! — Юань резко вскинул голову, в его голосе сквозила паника. — А ну думай! Должно же быть в тебе что-то особенное!

Остальные тоже уставились на него затаив дыхание. Селоя растерянно переводил взгляд с одного лица на другое, не понимая, почему они все так внезапно перепугались.

Нолан молча стянул рубаху и повернулся спиной. Селоя охнул: на обнаженных лопатках мальчика росло лишь одно-единственное крыло, покрытое мягким серым пухом. Оно слабо, бессильно трепетало.

Вдоль всего позвоночника Нолана топорщились острые костяные шипы. Когда он обернулся, его лицо оказалось почти целиком скрыто под густым оперением, из-под которого лихорадочно блестели испуганные глаза. Он попытался что-то сказать, но из его горла вырвался лишь глухой, жалобный птичий клекот.

— Это облик полупринятой формы Нолана, — тихо перевела Дианта. — Юлиси безумно захотел заполучить его крылья. Но левое показалось ему недостаточно изящным, поэтому он велел отрезать только правое. А еще...

Она поднялась с пола, бережно отвела в сторону пряди длинных волос Нолана и указала на уродливый, глубокий шрам у основания шеи:

— Это место, где рос главный костяной шип — средоточие всей силы крылатого племени. Его вырвали с корнем.

По спине Селой пробежал ледяной озноб. Он торопливо вскочил на ноги и робко, едва касаясь пальцами, провел по затянувшейся рубцовой ткани. Мальчик хмурился, не смея поднять глаз на Дианту — у него просто не повернулся бы язык спросить, чего лишилась она сама.

Дианта же говорила на удивление спокойно. Она вновь протянула ладонь с маленьким флаконом и легонько качнула разноцветную пыльцу:

— А здесь осколки крыльев Элии. Она моя младшая сестренка. В этом году мы были единственными близнецами во всей расе эльфов. Элия родилась кристалльным эльфом —

невиданное чудо для наших краев. Любой, кто видел ее, замирал от восхищения. Ее тело было чистым и прозрачным, словно ограненный алмаз, а под солнечными лучами переливалось всеми цветами радуги.

Дианта прервалась. При воспоминании о пережитом ужасе ее плечи мелко задрожали, и она прикусила губу, сиюсь сдержать слезы:

— Нас схватили неделю назад. Первые три дня мы провели вместе. А потом Элию унесли. Я не находила себе места, кричала, билась в двери... Вэйга, который успел привязаться к нам, пытался меня защитить и бунтовал вместе со мной. И тогда... — девочка опустила голову, словно у нее не хватало духу продолжать. — Тогда стражники схватили нас обоих. Меня привели прямо в комнату коллекций и швырнули к безжизненному телу Элии. Из нее сделали чучело... Она стояла за стеклом, как обычный экспонат. Ее хрустальные крылья Юлиси приказал истолочь в порошок — видите ли, ему показалось, что их цвет недостаточно ярк для его коллекции. А потом этот ублюдок ухмыльнулся и сказал, что исполнит мою мечту о воссоединении с сестрой. Он пообещал отрезать мои крылья и пришить их к ее мертвому телу. Чтобы мы «навек были неразлучны».

Дианта судорожно вздохнула и добавила:

— Что же до Вэйги... За то, что он посмел перечить, его отправили на операционный стол раньше срока. Вообще-то его не должны были трогать еще долго: у маленьких русалок чешуя слишком нежная и хрупкая, она быстро тускнеет и деформируется, так что для коллекции не годится. Но Юлиси решил его проучить.

В груди Селой словно завязался тугой, удушливый узел. Он растерянно смотрел на изувеченные тела своих новых друзей и впервые в жизни чувствовал дикуую, отчаянную благодарность за то, что в будущем власть над Царством демонов перейдет к Деровиэлю. Останься этот мир прежним, сколько еще невинных душ сгинуло бы в этих кошмарных застенках ради прихоти безумных тиранов?

— Ну же, не молчи! — Юань с надеждой и нетерпением подтолкнул его в плечо. — Вспомни хоть что-нибудь! Должна же быть в тебе какая-то диковинка!

— Да нет во мне ничего такого! Правда! — Селоя закрутился на месте, показывая им свои худенькие руки и ноги. — Сами посмотрите, совершенно обычный.

Взгляд Нолана потемнел от тревоги. С трудом сдерживая дрожь, он тихо произнес:

— Те же, кто не представляет ценности для коллекции, гниют в соседнем крыле. Там держат пленных драконьих рыцарей и рыцарей Священного Света. С них заживо срезают мясо пласт за пластом. Это повседневная еда Юлиси. Или... — Нолан запнулся, пытаясь найти хоть какое-то логическое объяснение. — Вдруг ты нужен как приманка? Чтобы заманить сюда других редких существ? Тех же драконьих рыцарей. Их ведь никогда не убивают сразу, только истязают день и ночь без передышки. Юлиси спит и видит, как бы подчинить себе парочку

настоящих драконов и сделать из них ездовых зверей.

Селоя лишь обреченно покачал головой. Он прикусил губу, лихорадочно вспоминая, кем называл его Деровиэль. Решив довериться его словам, он тихо признался:

— Если во мне и есть что-то необычное... то лишь то, что я ангел.

Дианта испуганно охнула, прижав ладонь к губам. Она со страхом и надеждой всматривалась в лицо Селой, отчаянно надеясь, что это лишь глупая детская шутка:

— Но у ангелов ведь должны быть крылья!

Селоя слегка покраснел и, опустив глаза, соврал:

— Я еще маленький и не прошел обряд инициации. Мои крылья прорежутся только тогда, когда я вернусь в Небесное царство.

— Но раз у тебя нет крыльев, значит, для коллекции ты бесполезен... — Нолан осекся. Страшная догадка повисла в воздухе мертвым грузом.

Селоя сам закончил его мысль:

— Значит, меня просто швырнут на кухню как кусок парного мяса.

Все трое испуганно переглянулись. В их глазах застыла глубокая, щемящая тоска — горькое бессилие тех, кто понимал весь ужас участи нового товарища, но был не в состоянии ему помочь.

Впрочем, сам Селоя сейчас почти не думал о собственной судьбе. Его разум занимал совершенно иной, внезапно вспыхнувший вопрос.

"Если этот безумный ублюдок Юлиси так помешан на редких диковинках, неужели он устоит перед ангельскими крыльями? Ведь во всех трех мирах нет ничего прекраснее белоснежного ангельского оперения. Это величайшее чудо, о котором грезит каждый демон, но обладать которым им не дано".

Тяжелые кованые двери с глухим скрежетом отворились. В свои покои неспешной, вальяжной походкой вошел Юлиси, небрежно покачивая в руке небольшой кожаный мешочек с нежно-розовой чешуей.

На полупрозрачных пластинках еще алели свежие капли крови. Каждая чешуйка, редкая и бесценная, сияла изнутри, словно безупречно ограненный розовый кварц.

Однако сам Юлиси не удостоил добычу даже мимолетным взглядом. Скучающим жестом он швырнул мешочек на полку одного из дальних шкафов, где пылился хлам из самого низа его табели о рангах, и больше к нему не оборачивался.

Его шаги были направлены к самому центру залы. Там, под высоким куполом, виселся самый великолепный, бесценный экспонат его коллекции — сокровище, которому не было равных во всем мире.

Окутанный мягким, едва осязаемым золотистым сиянием, он величественно замер на своем постаменте.

Три пары ослепительно-белых, без единого изъяна, ангельских крыльев.

<http://bllate.org/book/20120/1998284>